

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Каплин А. Д. Духовное, социальное и политическое развитие Киевской Руси в исторических исследованиях и историософических построениях славянофилов // Проблeми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25 – 26 жовтня 2003 р. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 90 – 92.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

- пам'яток козацької доби в Україні. — К., 1999. — Вип.8.
16. Коваленко О. В. Цвинтар XVII-XVIII ст. На Соборному майдані у Полтаві // АЛЛУ. — Полтава, 2001. — Ч.2.
  17. Козубовський Г. А., Івакін Г. Ю., Чебановський А. А. Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у 1987-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989. 36. наук. праць. — К., 1993.
  18. Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В. Изразцы поселения Казачья Пристань // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк, 2000.
  19. Куштан Д. Нові археологічні матеріали до вивчення історії пізньосередньовічних Черкас // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — К., 2000. — Вип.9.
  20. Мартиненко Л., Чебановський А. Кахлі з розкопок Михайлівського Золотоверхого собору // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — К., 2000. — Вип.9.
  21. Менчинський Д. А., Супруненко О. Б. Археологічні знахідки на території Хорольської фортеці // Старожитності Хоролу. — Полтава, 1994.
  22. Мокляк В. О. Кераміка XVII-XVIII ст з м. Полтави // ПАЗ. — Полтава, 1993. — Ч.1.
  23. Назаров О., Кравченко О. Середньовічний Корсунь за матеріалами археологічних розвідок // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — К., 1999. — Вип.8.
  24. Назаров О. Нові археологічні дослідження пізньосередньовічного Корсуня // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — К., 1998. — Вип.7.
  25. Пахар А. П., Балакин С. А. Керамический комплекс начала XVIII в. с ул. Цитадельной // Архитектурно-археологические исследования в Киеве и Киево-Печерской Лавре. — К., 1995.
  26. Разумовский С. А. Производство художественных керамических изделий. — М., 1951.
  27. Середні віки на Україні. — К., 1971. — Вип.1.
  28. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. — Харьков, 1964.
  29. Соколова Т. Орнамент — почерк эпохи. — Л., 1972.
  30. Титова О. М. Проблеми охорони культурної спадщини України // АЛЛУ. — Полтава, 2001. — Ч.2.
  31. Титова О. Перспективи дослідження пам'яток українського козацтва XVI-XVIII ст. // Дослідження археологічних пам'яток доби українського козацтва. — К., 1994. — Вип.3.
  32. Топографическое описание Харьковского намесничества с историческим предуведомлением // Описи Харьковского намесничества конца XVIII ст. — К., 1991.
  33. Українська Наддніпрянська кераміка XIV-XVIII ст. Методичні рекомендації. — К., 1994.
  34. Филарет. Описание Харьковской епархии. — Отд. IV. — 1885.
  35. Ханко О. В. Полтавський гончарний осередок у контексті новітніх археологічних досліджень // АЛЛУ. — Полтава, 2000. — Ч.2.
  36. Щелков К. П. Историческая хронология Харьковской губернии. — Харьков, 1882.

Каплин А. Д.

Духовное, социально-экономическое и политическое развитие Киевской Руси в исторических исследованиях и историософских построениях славянофилов

Несмотря на то, что славянофилы достаточно часто упоминаются при освещении общественной мысли XIX в., их личные исторические воззрения изучены еще недостаточно. К числу таких малоизученных проблем принадлежит славянофильское осмысление истории Киевской Руси. В данной статье мы кратко остановимся на особенностях воззрений отдельных славянофилов на сущность важнейших явлений этого этапа отечественной истории.

Впервые к духовной значимости киевского периода основоположник славянофильского направления А. С. Хомяков обращается в своих поэтических произведениях 20-30-х гг. XIX в. Из-под его пера рождается величание «земле Володимера», вере Православной («Русская песня»): «Мрак пещер... безмолвный» «многовечного» Киева для А. С. Хомякова «краше царственных палат» («Киев», 1839). Его интересует «жизнь духа» и «дух жизни», а потому он уверен, что «корень и основа — Кремль, Киев, Саровская пустынь, народный быт с его песнями и обрядами, и по преимуществу община сельская», которая «есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории» [7, т.3, с.462].

А. С. Хомяков был весьма далек от идеализации родной истории, от «нелепой мысли», что когда-то «славяне были представителями высшего человеческого просвещения» [7, т.5, с.418]. «Русь Святая» в его понимании есть чистота начал, но не воплощенный идеал. В истории России А. С. Хомяков видит три резко отделенных периода. В первом из них — Киевской Руси — даже при единстве веры, церковного управления и правящего рода, внутреннего единства земли еще не существовало: Русская земля была тогда союзным государством. Затем Русь «обратилась» в государственный союз.

Гимн (в прозе) древней Руси впервые из складывавшегося славянофильского кружка сложил И. В. Киреевский («В ответ А. С. Хомякову», 1839 г.). Он полагал, что общественное устройство прежней России во многом отличалось от Запада. Прежде всего тогдашнее общество состояло из бесчисленного множества маленьких миров, где как частная, личная самобытность (основа западного развития), так и общественное самовластие были мало известны. На эти миры распространялись понятия Православной Церкви, которые переходили в убеждения, а последние — в невероятной крепости обычай, который заменял закон. Семья подчинялась миру, мир — сходке, сходка — вечу и т.д., но все частные круги имели один общий центр — Православную Церковь.

В таком обществе не могло быть ни рыцарства, ни аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования. Русь не блистала науками и искусствами, не принимала чужого развития, враждебного ее христианскому духу. В ней хранилось первое условие правильного развития, «устроительное начало знания» — святоотеческое учение. Нужно было только время и благоприятные обстоятельства.

В центре русской жизни — монастыри — «духовное сердце России», «святые зародыши несбывшихся университетов», в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения [3, т.1, с.119]. Монастыри находились в постоянном, живом единении с народом. Таким образом, вековые обычаи, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры, без писаных кодексов создавали внутреннее, духовное общественное устройство без самовласти и рабства.

Одним из первых славянофилов со специальной (но незаконченной) статьей «О древней русской истории» выступил в №3 «Москвитянина» за 1845 г. И. В. Киреевский. Он признавал неоспоримым коренное, яркое различие между историей западной (латино-германской) Европы и русской. Понятия о резкой противоположности между первыми двумя веками русской истории и последующими и некоторые другие гипотезы Шлецера, его немецких коллег и последователей, он считал ошибочными [4, с.15]. П.В. Киреевский отмечает «печать разительного сходства» истории всех славян, особенно в «первые века их исторической памяти», несмотря на все разнообразие внешних отношений [4, с.22]. По его мнению, у славян с «незапамятных времен» существовали и удельные, и великие князья, а потому история славян убедительно свидетельствует: «до какой глубокой древности восходит то государственное устройство, которое мы находим в России не только во время призвания варяжских князей, но и несколько веков после этого события» [4, с.22].

П. В. Киреевский, находит, что в Несторовой летописи говорится о родовом составе племен, имевших князей (еще прежде Рюрика) [4, с.31]. По всем городам существовало вече. Призвание же варяжских князей на все это не имело «ни малейшего влияния». До их прихода, по крайней мере, ясно обозначаются два союза племен: «один, обнимавший всю почти северную половину европейской России, призвавший Рюрика; другой, обнимавший всю почти южную половину и принявший Олега, или лучше сказать малолетнего Игоря» [3, с.43]. Автор предполагает, что связь между племенами держалась единством княжеского рода и чиномачалием старшинства между князьями до половины XV в.

Много специально-исторических, источниковедческих, филологических исследований посвятил истории Киевской Руси К. С. Аксаков. Для него «ничья история не начинается так». В ее основании находятся «две силы», «два двигателя и условия»: «Земля и Государство» [2, с.3,4]. Земля есть «неопределенное и мирное состояние народа», мирная жизнь общин [2, с.10]. Славяне не образуют из себя государство (политическое устройство не сделалось целью ее стремления), но призывают власть добровольно, в лице князя-монарха, прибегают к этому как к необходимости, для сохранения внутренней жизни земли. Земля и государство не смешались, а раздельно стали в союз друг с другом. Здесь уже проявилась «взаимная доверенность с обеих сторон». Это совершенно особые отношения.

В статье 1852 г. «О древнем быте у славян вообще и русских в особенности» К. С. Аксаков приходит к выводу, что у славян родового быта не было, а «выступают определенно: семья и община» [2, с.93]. Именно семья стала основной особенностью жизни славянина. Славянские общины удержать свой мирный и нравственный обычай не могли как по внешним причинам, так и из-за несовершенства собственной жизни. Причем первые оказывались главными — наступление чужеземцев и необходимость отпора. Выход находится в следующем: славяне сохраняют свое общинное устройство и, не желая сделаться сами государством, призывают его на защиту. К. С. Аксаков полагает, что призвали «варягов-русских», или «варягов-Русь», единоплеменные по общему славянскому происхождению, но составлявших совершенно отдельное племя и по месту жительства, и по образу жизни [2, с.594, 595].

Новгород «начинает русскую историю». Это был первый стан призванной им Руси (варягов), которая вскоре переходит на юг, а потому Киев («мать городов русских») бесспорно является первой столицей [2, с.44-50]. Поняв с принятием христианства, что свобода только в духе («ясно стало для русского народа, что истинная свобода только там, иде же Дух Господень»), Русь постоянно стояла за свою душу, за свою веру [2, с.9]. Она не искала земного совершенства, зная, что оно на земле невозможно. Следовательно, русская история так самобытна, что в самом начале разделяются русский и западноевропейский пути [2, с.22].

О древнерусской истории писали и другие славянофилы. Ю. Ф. Самарин предполагает, что значение Киевской Руси к середине XIX века никем не было понято, а ведь в ней было «внутреннее единство жизни, всеобщее стремление освятить все отношения религиозным началом», и поэтому «Киевская Русь остается каким-то блистательным прологом к нашей истории» [5, т.1, с.54,55]. Огромное значение в деле спасения Ю. Ф. Самарин придавал православной вере. Недаром, познакомившись в Киеве с Киево-Печерским патериком, он целый месяц «жил» «этою книгою» и собирался писать о ней статью [5, т.12, с.392]. Он считал, что «вся древняя Русь светилась Киево-Печерскою Лаврою: казалось, как будто все пути примыкали к ней. <...> Она была в живом соприкосновении со всеми сословиями и званиями...» [5, т.12, с.394]. Вследствие принятия христианства, считает Ю. Ф. Самарин, отдельные восточно-славянские племена и роды «совокупились в одно духовное тело», и это духовное единство дало возможность явиться единству политическому с признанием единой верховной власти [5, т.5, с.185].

Не все условия и «зародыши» просвещения перешли в наследство Руси Владимирской и Галицкой. В Новгороде (как части Русской земли) также существовали элементы будущего государственного устройства. И он не мог противостоять общей идее о Русской земле — облечься в государственную форму. Ю. Ф. Самарин,

И. В. Киреевский спустя семь лет отмечал, что взгляд брата на «прежнюю» Россию представляет «самую ясную картину ее первоначального устройства» [3, т.1, с.205].

вопреки сложившимся представлениям, говорил о тесной связи Киевской Руси с внешним миром. Беду он видел не во заимствовании, которое «само по себе не только безвредно, даже необходимо» [5, т.1, с.81]. Плохо, что после этого не возникает потребность мыслить самостоятельно.

Общинный быт славян, считал он, основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия, куда христианство внесло сознание и свободу. Славянская община, «так сказать растворившись, приняла в себя начало общения духовного и стала как бы светскою, историческою стороною церкви» [5, т.1, с.81].

Несколько иначе подходил к некоторым вопросам Д. А. Валуев. Он считал, что дотатарская Россия осталась в степени «живого, но не дозрелого организма». Она не успела выработать «в полноте и определенности» ни одно из лежащих в ней начал. Затем она была остановлена в своем живом развитии монголами и Литвой. Древнее русское общество осталось на «каком-то среднем пути, усеянном болезненными, недозрелыми явлениями, исполненными внутренних противоречий и бессвязных стремлений» [6, с.129]. Такое состояние свидетельствует и о наличии внутренней созидательной силы — залога для будущего.

В наследии И. С. Аксакова особое место занимает «Введение к украинским ярмаркам». Здесь автор дает интересный очерк истории Малороссии и ее взаимоотношений с Великороссией. По мнению И. С. Аксакова, до XIII века русская земля еще хранила единство, а русские князья «блюли связь преданий, веры и единоплеменности», но внезапное нашествие татар нарушило цельность и единство русской земли, отодвинуло к северу Русь Северную, прахом и пеплом покрыло Южную и, «надорвав надолго связь между ними, призвало их к разным историческим судьбам», «разделило на два рукава некогда цельный поток» [1, с.88].

Таким образом, в наследии славянофилов о Киевской Руси органично соединялись как историософские положения, так и выводы, сделанные на основе конкретных исследований. Все славянофилы главное внимание обращали на религиозно-духовное своеобразие начальной русской истории, решающее значение принятия христианства, роль монастырей, на мирный быт общин, на отсутствие завоевания, на другие коренные отличия древнерусской жизни от «латино-германской» Европы. Тем не менее, у каждого из них были и свои личные взгляды на те или иные стороны древней русской истории (так, К. С. Аксаков своеобразно развивал воззрения о «Земле» и «Государстве», «внутренней» и «внешней» правде и некоторые другие идеи; имел свои самостоятельные суждения рано умерший Д. А. Валуев и т.д.).

1. Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т.6. — М., 1887.
2. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т.1. — М., 1861.
3. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. — М., 1911.
4. Киреевский П. В. О древней русской истории (Письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. — 1845. — №3.
5. Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12-и томах. — М., 1877-1911.
6. Симбирский сборник. Историческая часть. Изд. Д. А. Валуева. Т.1. — М., 1845
7. Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8-и томах. — М., 1900.

Краснова О. С.

Набор продуктов питания и способы их обработки в городах Беларуси в X-XIII веках

«Спокойствие и счастье домашнего очага, главным образом, зависят от правильно поставленного домашнего хозяйства», — эти слова Смайльса являются неопровержимой истиной. Однако многие соглашались с ними только после целого ряда экспериментов и накопления какого-либо опыта в области приготовления пищи. Для рациональной организации питания, как составляющего всей культуры питания, необходимы как разнообразные теоретические знания, так и опыт. Хотя теоретические знания можно также назвать своего рода опытом, так как они накапливались в течение многих веков, пока не оформились в отдельную науку. Как известно, культура питания является значимой составляющей культуры. И в отличие от других компонентов материальной культуры она в наименьшей степени подвержена изменениям [14, с.104]. В свою очередь, набор продуктов и технология их приготовления являются составляющими культуры питания, поэтому, изучая эти компоненты в отношении периода X-XIII веков, автор ставит своей целью проследить, какие продукты питания были известны в то время и какие способы использовались для их обработки.

Все продукты питания мы можем разделить на две категории: продукты питания животного происхождения; продукты питания растительного происхождения.

В свою очередь продукты животного происхождения подразделяются на мясные, рыбные, молочные и мед. Среди второй категории мы можем выделить хлебобулочные изделия, каши, фрукты-овощи, растительные масла. Что касается напитков, то они составляют отдельную группу продуктов. Основным в пище жителей Беларуси X-XIII столетий стало мясо диких и домашних животных и птиц. От 30% до 90% мяса, потреблявшегося жителями Минска, Полоцка, Витебска, Лукомля, Слонима, Новогрудка, Гродно, Волковыска, Бреста, Пинска, Давид-городка, Турова, Гомеля давали именно охотничьи животные. И это несмотря на то, что остатки диких животных представляют только 22,7% от общего числа мясных домашних и диких копытных [23, с.78]. По предпочтительности на первом месте находится лось, затем кабан, зубр, олень благородный, косуля.

Многочисленными являются остатки бобра (в Волковыске остатки бобра занимают 13,5% от костей всех диких животных, в Полоцке — 12,7%, Лукомле — 15%, Минске — 7,7%, Клецке — 23,8%, Давид-городке — 33,9%, Турове — 8%, Бресте — от 3 до 16,6%) [22, с.409], которые позволяют утверждать, что в течение всего периода средневековья охотились на него не только как на пушное животное, а и как на мясное. Скорее всего, голый